

АНТРОПОЛОГИЯ ПЕРМСКИХ ФИННОВ В СВЯЗИ С ВОПРОСАМИ ИХ ЭТНОГЕНЕЗА

К. МАРК

Eesti Teaduste Akadeemia
Tallinn, Estonia

Настоящее исследование проведено с целью изучить особенности физического типа современных пермских финнов – удмуртов, коми-пермяков и коми-зырян, а также их предков, и выяснить, какие компоненты принимали участие в процессе формирования этих народов.

Соматологические особенности пермских финнов обследованы несколькими авторами в разное время. В работе П. И. ЗЕНКЕВИЧА «Характеристика восточных финнов» (1941) опубликованы данные о двух территориальных группах удмуртов и четырёх группах коми-пермяков. Последние охарактеризованы по этим же материалам также в статье М. А. ГРЕМЯЦКОГО (1941). В общеизвестной работе Н. Н. ЧЕБОКСАРОВА «Этногенез коми по данным антропологии» (1946) использованы довольно большие материалы по коми-хырянам (13 групп) и коми-пермякам (8 групп), однако часть этих материалов была собрана другими исследователями (в частности П. И. Зенкевичем и Г. Ф. Дебецем). В результате получилась картина, соответственно которой коми по своему антропологическому составу оказались крайне неоднородными.

В настоящее время известно, что соматологические данные разных авторов по многим расодиагностическим признакам не вполне сопоставимы. Поэтому в основу данной работы положены соматологические материалы, собранные по единой методике только мной лично.

Антропологическими исследованиями, в основном в течение пяти полевых сезонов (в 1958–1962 гг.), а частично и позднее, нами были охвачены 14 локальных групп удмуртов (1363 человека), 3 группы коми-пермяков (291 человек) и 9 групп коми-зырян (809 человек). Удмурты обследовались главным образом в разных районах Удмуртской АССР и одна группа – на северо-западе Башкирии. На территории Удмуртской АССР был собран материал по двум группам бесермян (всего 138 человек). Бесермяне – чрезвычайно интересная этническая группа, происхождение которой до сих пор не выяснилось. В настоящее время они говорят между собой по-удмуртски. Коми были обследованы нами в разных местах Коми АССР и Коми-пермяцкого национального округа Пермской области, чтобы территориальные различия среди коми, установленные прежними работами, нашли бы отражение в нашем материале. Кроме того, одна группа коми-зырян обследована в Западной Сибири (Мужи).

Таким образом, наш материал по пермским финнам, включая бесермян, составляет 28 территориальных групп, все вместе взятое 2601 человек. В качестве сравнительного материала использованы данные по остальным финно-угорским народам, а также по соседним с ними народам, исследованным тоже нами, с целью получения более объективной общей картины.

Рассматривая пермских финнов на общем фоне финно-угорских народов, прежде всего следует сказать, что большинство финно-угров по признакам первого порядка занимает промежуточное положение между типичными представителями европеоидной и монголоидной больших рас. Иными словами, в большинстве случаев у финно-угров можно установить большую или меньшую долю монголоидной примеси. Пермские финны не являются в этом отношении исключением. В сравнении с типичными европеоидами у них рост бороды слабее, лицо более уплощенное, скулы часто выступают довольно сильно, частота наклонных глаз больше, чаще встречается эпикантус, переносье ниже, поперечный профиль спинки носа более плоский и процент прохейличных форм верхней губы более значителен.

Все перечисленные признаки первого порядка можно рассматривать суммарно. Чтобы точнее определить степень монголоидной примеси был применен специальный индекс, названный «индексом монголоидности», который связывает восемь вышеназванных важнейших признаков (см. К. МАРК 1970: 42–50; К. Ю. МАРК 1975: 36 etc.) Ориентировочно группы, где индекс монголоидности ниже 20, могут считаться абсолютно европеоидными, без монголоидной примеси, а индекс больше 100 характерен для чистых монголоидов.

Названные пограничные величины получены путём сопоставления данных индекса монголоидности с данными индекса общей уплощённости лица. Последний индекс был введён в употребление Г. Ф. Дебецом на основе краниологических материалов (Г. Ф. ДЕБЕЦ 1961: 59 и след.). Этот индекс включает в себя пять основных признаков, которые отличают черепа монголоидов от европеоидов. При одинаковом расстоянии между шведами и хантами обоих индексов на графике наблюдаются хорошее совпадение положений остальных народов, представленных как в краниологическом, так и в нашем соматологическом материале. Это позволяет более объективно сравнивать степень монголоидной примеси древних племён и современных народов.

У коми индекс монголоидности варьирует от 26 до 48, у удмуртов от 34 до 50. Это свидетельствует об известной доле монголоидности у всех финнов. Однако в большинстве случаев они отличаются величиной этого индекса более 36. В этом отношении пермские финны сходны с марийцами и северными группами морд-вы-мокши, а также с саамами, которые относятся к разным типам уральской расы, промежуточным между европеоидами и монголоидами. У названных народов преобладает европеоидный компонент, в отличие от обских угров и самодийских народов, которые приближаются к монголоидам.

Отдельные группы среди пермских финнов отличаются относительно слабой монголоидной примесью (индекс монголоидности 26–34). Сюда отно-

сятся троицкопечерские, сысольские и ясть-куломские коми-зыряне, южные удмурты Мало-Пургинского района, а также бесермяне. Монголоидная примесь у них такая же, как у восточных групп прибалтийских финнов, в том числе вепсов и карелов.

При выделении антропологических типов существенную роль играют также признаки пигментации – цвет волос и цвет глаз.

Цвет глаз у коми-зырян довольно светлый, лишь немногим темнее, чем у большинства прибалтийских финнов. Однако коми-зыряне реально не отличаются от вепсов и карелов по данному признаку. Большинство удмуртов и коми-пермяков, а также бесермяне характеризуются средней по финно-угорскому масштабу окраской глаз (средний балл 0,8–1,0). В этом отношении они сходны с марийцами и закарпатскими венграми. Лишь отдельные группы удмуртов, особенно южные удмурты Алнашского района, заметно более темноглазые, также как тюркские народы Среднего Поволжья и Приуралья.

Цвет волос у коми-зырян также довольно светлый (средний балл 2,9–3,2), хотя и не в такой степени, как у большинства прибалтийских финнов. Всё же существенных отличий между коми-зырянами и менее светловолосыми группами прибалтийских финнов (вепсы, карелы) не обнаружено. Такие же светлые волосы характерны для северных удмуртов (Кез, Дебёссы, Балезино) и кудымкарских коми-пермяков. Следует отметить, что у русских, обследованных нами на территории Удмуртии, волосы оказались темнее. Удмурты и коми-пермяки, в большинстве случаев, характеризуются среднепигментированными волосами (средний балл 3,2–3,4). Население на северо-западе Удмуртской АССР, в частности, удмурты Глазовского района и бесермяне Юкаменского района, имеет несколько более тёмные волосы. По цвету волос эти группы реально отличаются от остальных довольно светловолосых северных удмуртов. Среднетёмный цвет волос характерен также для закарпатских венгров, некоторых групп саамов и марийцев, но среди последних обнаружены и более темноволосые группы. Наиболее тёмнопигментированными волосами среди удмуртов отличаются южные удмурты Алнашского района, которые в этом отношении приближаются к татарам, чувашам и северным башкирам.

Рассматривая вместе данные об индексе монголоидности и о суммированных признаках пигментации, видно, что пермские финны образуют довольно компактную группу, которая занимает более или менее центральное место среди других финно-угров. При этом у пермских финнов размах групповой вариации признаков пигментации значительно больше, чем индекс монголоидности. При одинаковой доле монголоидной примеси существуют как среднепигментированные, так и более светлые формы. И те и другие можно отнести к уральской расе.

Уральская раса подразделяется на ряд антропологических типов. Обский (или уральский) тип, распространённый у хантов и манси в Западной Сибири, а также у самодийцев, отличается от других типов уральской расы прежде всего преобладанием монголоидных элементов над европеоидными. Цвет волос и глаз более тёмный, но не очень тёмный. Рост очень маленький, голова в боль-

шей части умеренно брахикефальная, лицо широкое и низкое. Для этого типа особенно характерна вогнутая спинка носа.

В других типах уральской расы преобладают европеоидные элементы, но монголоидная примесь достаточно ясно ощутима. При этом волосы и глаза светлее, чем у обского типа. Сюда относятся лапоноидный, субуральский и сублапоноидный типы, разница между которыми проявляется преимущественно в пропорциях головы и лица, а также светлый сублапоноидный тип, который отличается от сублапоноидного, в основном, ещё более светлой пигментацией глаз и волос.

Лапоноидный тип характерен для саамов. Особенность его – очень низкое лицо и брахикефалия.

Субуральский тип встречается у части мордвы-мокши. Он характеризуется более долихокефальной головой и относительно узким и высоким лицом.

Среди удмуртов, коми-пермяков и марийцев распространён сублапоноидный тип, который по пропорциям головы и лица является промежуточным между лапоноидным и субуральским типами. Голова в большей части умеренно брахикефальная (головной указатель 80–82), но встречаются и более брахикефальные группы. Лицо относительно широкое и низкое, хотя не в той мере, как у обских угров, не говоря уже о саамах. Рост небольшой, так же, как у остальных типов уральской расы, кроме субуральского, который отличается более высоким ростом.

Эти же особенности характерны и для более светлопигментированных групп, которые по степени монголоидности не отличаются от представителей сублапоноидного типа. Этому светлопигментированному типу уральской расы можно дать название *светлый сублапоноидный*.

Усиление монголоидной примеси обычно сопровождается усилением пигментации, однако эта закономерность не прослеживается у финно-угорских народов в той мере, как у тюркских народов. У светлопигментированных групп часто дело обстоит даже наоборот.

Среди пермских финнов наиболее светлопигментированные южные коми-зыряне (летского района) характеризуются вполне отчётливо выраженной монголоидной примесью. В этом отношении они сходны с северо-восточными финнами (у которых обнаружен сильный саамский субстрат) и с саамами-сколтами. Аналогичные сочетания признаков проявляются у большинства коми-зырян, а также в некоторых местах среди других финно-угров, в том числе у северных удмуртов (Кез, Дебёссы, Балезино) и у кудымкарских коми-пермяков.

У них, вероятно, сохранился реликтовый тип древних финно-угров. Очевидно, депигментация на севере Восточной Европы произошла уже в смешанных группах, которые сохранили некоторые монголоидные черты от очень древних времён.

Светлый сублапоноидный тип представляет собой переход к очень светлопигментированным северным европеоидам *беломоро-балтийской расы*, которые отличаются наличием слабой монголоидной примеси. Восточно-балтий-

ский тип этой расы, наиболее типичными представителями которой являются вепсы и отчасти карелы, обнаруживает большое сходство со светлым сублапоноидным типом по измерительным признакам. У обоих типов длина тела ниже среднего, голова довольно брахикефальная, лицо относительно широкое и низкое, часто встречается вогнутая спинка носа.

Близкое сходство между сублапоноидным, светлым сублапоноидным и восточно-балтийским типам явно проявляется при суммарном сопоставлении измерительных признаков. Для этого использован метод Пенроуза в модификации Кнуссмана (KNUSSMANN 1967).

Очень малые размеры расстояний Пенроуза (0,01–0,04) объединяют марийцев, удмуртов, бесермян, коми-пермяков и коми-зырян, которые, в основном, принадлежат к сублапоноидному и светлому сублапоноидному типам. Вепсы и карелы – представители восточнобалтийского типа – отстоят от названных народов (кроме бесермян) примерно на таком же расстоянии (0,01–0,05). Особенно близкими оказались вепсы и коми-зыряне. Расстояния вепсов и карелов от бесермян несколько больше (0,06 и 0,09 соответственно).

Более заметные расстояния Пенроуза обнаружены при сопоставлении пермских финнов с некоторыми другими народами. Относительно близки к удмуртам и коми ещё манси (0,10–0,12), ханты (0,13–0,19), а также мордва (0,12–0,15). Бесермяне отличаются от обских угров меньше (0,09–0,10), чем от мордвы (0,17–0,18). Финны и эстонцы находятся от пермских финнов на значительных расстояниях (0,30–0,47).

Что касается русских Среднего Поволжья и Приуралья, то они довольно мало отличаются от коми-зырян и коми-пермяков (0,05–0,06), несколько более от удмуртов (0,08), ещё больше от бесермян (0,12).

Некоторое сходство между русскими и окружающими финно-угорскими народами, по-видимому, свидетельствует о том, что они в известной мере смешаны между собой. На территории Среднего Поволжья и Приуралья у русских глаза довольно светлые, но волосы средне-тёмные. От пермских финнов русские отличаются более высоким ростом и узким лицом, а самое главное, что обычно для русских характерно полное отсутствие монголоидной примеси. Поэтому можно полагать, что до смешения с русскими у пермских финнов, особенно у коми, монголоидная примесь была выражена сильнее.

В настоящее время наибольшее распространение среди финно-угорских народов имеет уральская раса. Её ареал охватывает Западную Сибирь, Среднее Поволжье, прилегающие к Уралу территории и север Европейской части СССР.

Раньше уральская раса имела ещё большее распространение в восточно-европейской лесной зоне. Древние формы уральской расы, которые находим преимущественно в эпоху неолита (III–II тысячелетия до н.э.) у носителей культур ямочно-гребенчатой керамики, а частично уже в позднем мезолите в тех же областях, представляли собой, как и сегодня, контактную группу между европеоидами и монголоидами.

Что касается признаков второго порядка, то древнейшие формы уральской

расы брахикранны или мезокранны имеют сравительно широкое и низкое лицо. Поскольку они напоминают современный лапоноидный и сублапоноидный типы, то мы называем древнейшие формы уральской расы *протولاпоноидным типом*.

В образовании уральской расы первоначально принимали участие различные компоненты. О языковой принадлежности этих компонентов могут быть сделаны только предположения. Не исключено, что древнейшее население территории Урала, возможно связанное с позднепалеолитическими племенами сибирского происхождения, могло говорить на уральском праязыке. В Уральских горах, а отчасти и в восточноевропейской лесной зоне, эти монголоиды рано смешались с европеоидами, среди которых, вероятно, уже находились ранние индоевропейские племена. Во всяком случае, таким образом могут быть объяснены древние контакты уральских языков с индоевропейскими.

Если принимать во внимание, что население с монголоидной примесью начало появляться в западных частях восточноевропейской лесной полосы уже в V–VI тысячелетиях до н.э., то можно предполагать, что финно-угорские племена в это время, если не раньше, начали распространяться территории Урала, всё более расширяя свой ареал.

В III–II тысячелетиях до н.э. протولاпоноидный тип был распространён уже почти везде, где известны в более позднее время поселения финно-угров. Наличие европеоидов среди них можно считать наследием более раннего населения южного происхождения.

В начале II тысячелетия до н.э. в восточноевропейскую лесную зону с юга начали проникать различные племена скотоводов, смешение с которыми, по-видимому, повысило удельный вес европеоидного элемента в составе финно-угорских племён, особенно в западной и южной частях их ареала.

Во второй половине II тысячелетия до н.э. к восточным финно-угорским племенам примешивались индоевропейские племена, особенно иранские. Видимо, благодаря влиянию носителей срубной культуры предки мордвы получили примесь длинноголовых европеоидных элементов с относительно тёмной пигментацией.

В какой-то мере носители срубной культуры, вероятно, имели влияние так же на предков пермских финнов, в первую очередь на их южные группы.

Палеоантропологических данных с территории обитания нынешних пермских финнов немного. В основном они относятся к культурам Прикамья I тысячелетия н.э. Все же эти данные вместе с результатами соматологических исследований позволяют осветить некоторые вопросы этнической истории пермских финнов.

Наиболее древним погребальным памятником, где сохранились черепа, на рассматриваемой территории является Висский могильник в Вычегодском крае. Г. М. Буров полагает, что этот могильник относится к бронзовому веку. По обряду погребений Висский могильник сближается с одной из групп погребений на Караваевской стоянке в Вологодской области, а также с погребениями в Языкове на Верхней Волге (Г. М. БУРОВ 1967: 109–111).

Антропологические данные о черепах из Висского могильника, измеренных Т. С. Кондукторовой, приведены в книге Г. М. БУРОВА (1965: 111). Эти черепа оказались брахикранными (черепной указатель четырёх черепов варьируют в пределах 79,5–86,0). Лицевой скелет сохранился только на одном мужском черепе, который характеризуется очень широким и средневысоким лицом. Уплощенность лица средняя, но переносье очень низкое и угол выступления носа очень малый, что указывает на довольно ярко выраженную монголоидную примесь.

Череп из Висского могильника несомненно обнаруживают сходство с черепами из Караваевского и Языковского могильников, среди которых основным типом является протолапоноидный тип.

В I тысячелетии до н.э. в Прикамье существовала ананьинская культура, которая, по распространённому мнению, принадлежит предкам всех пермских финнов. Памятники этой культуры известны также в бассейне Вычегды и на Верхней Печоре, где они имеют южное происхождение (Г. М. БУРОВ 1965: 177).

Серия черепов из Луговского могильника ананьинской культуры, обследованная Т. А. ТРОФИМОВОЙ (1968: 51–91), характеризуется крупными размерами мозговой коробки, мезокранией на грани брахикрании, широким и относительно низким лицом и низкими орбитами. Назомалярный угол большой, зигомкасиллярный угол средний, переносье средней высоты, угол лица также средний.

Индекс уплощенности лица у этих черепов составляет 57,8, что свидетельствует о значительной монголоидной примеси, приблизительно такой, как у современных кондинских манси.

Этот же антропологический тип представлен у черепов из Гулькинского могильника, который является наиболее южным памятником ананьинской культуры. В составе этой серии установлена примесь долихокранного европеоидного компонента, известного в составе населения Поволжья в эпоху срубной культуры (Т. А. ТРОФИМОВА 1954: 501).

Нет сомнения в том, что брахикранный тип с широким и низким лицом, отличающийся довольно сильно выраженными монголоидными особенностями, по своему происхождению связан с лесной зоной Западной Сибири. Население такого типа неоднократно проникало в Восточную Европу, где оно смешивалось с местными европеоидами.

Если в неолите распространение этого типа связано с появлением здесь древних финно-угров, то в более поздние времена проникновение его в Восточную Европу скорее объясняется прибытием какой-то части угорских племён, у которых монголоидный тип древних уральских племён сохранился в более чистом виде. Это согласуется с данными археологии о том, что в предананьинское время в Прокамье проникли многочисленные племена из Сибири (В. Ф. ГЕНИНГ 1967: 272).

В III–II вв. до н.э. в Прокамье сложилось несколько племенных союзов, из них – пьяноборский – у устья реки Белой, осинский – в Среднем Прокамье и

гляденовский – в Верхнем Прокамье. Палеоантропологический материал имеется только из могильников пьяноборской культуры.

Начиная с III–IV вв. н.э., по данным археологии, (В. Ф. ГЕНИНГ 1967: 273–278) наблюдается проникновение новых племён из Западной Сибири на территорию Прокамья. В результате слияния местных племён с пришлыми в Верхнем Прикамье сложилась Ломоватовская культура (III–VIII вв. н.э.), которая связана с предками коми-пермяков.

Осинские племена отошли в бассейн Чепцы, где образовалась полонская культура, принадлежавшая предкам северных удмуртов.

Пьяноборские племена, в основном, были вытеснены со своей исконной территории на запад, в Волго-Вятское междуречье. Там сложилась азелинская культура III–V вв. Другая часть этих племён, которая осталась на своей прежней территории, смешивалась с пришлым сибирским населением. В результате на Каме, около устья реки Белой сложилась мазунинская культура. Северная группа мазунинских племён приняла участие в формировании шарканской, воткинской и ижевской групп удмуртов.

Рассматриваемый период (III–IX вв. н. э.) в Прикамье относительно хорошо представлен палеоантропологическими материалами. Эти материалы опубликованы в разных статьях М. С. АКИМОВОЙ, а также в её монографии «Антропология древнего населения Приуралья» (1968).

Среди предков коми-пермяков и удмуртов в I тысячелетии н.э. наиболее распространённым является мезокранный, довольно низколицый тип. Монголоидная примесь в большинстве случаев у них такая же, как у современных коми-пермяков и удмуртов. Сюда относятся черепа из Митинского и Демёнковского могильников ломоватовской культуры с Верхнего Прикамья, а также Полонского могильника полонской культуры, расположенного на севере Удмуртии. С ними довольно сходны ещё черепа из разных могильников мазунинской культуры с территории юго-восточной Удмуртии и соседних районов Пермской области. По всей вероятности, этот тип, в основном, местного происхождения и относительно мало изменился до сих пор.

Все же черепа из могильников мазунинской культуры отличаются несколько более заметно выраженной монголоидной примесью, также как и юго-восточные группы удмуртов (Шаркан, Якшур-Бодья, Завьялово) в настоящее время. Эти различия статистически вполне реальны.

Ещё сильнее монголоидный компонент проявляется у черепов из Демёнковского могильника в Верхнем Прикамье. В этом отношении они тяготеют к черепам IV–II вв. до н.э. из бассейна реки Исети в Зауралье, где, возможно, жили угорские племена.

Эти данные не противоречат мнению археологов о проникновении зауральских племён в Прикамье в предыдущее время. Следует отметить, что некоторое усиление монголоидной примеси у юго-восточных удмуртов не сопровождается особенно ярко выраженным усилением пигментации. Цвет волос и глаз у них средне тёмный, так же, как у закарпатских венгров. Поэтому кажется наиболее вероятным, что зауральские племена, которые прини-

мали участие в формировании названной группы удмуртов, были угорские.

Тюркские народы характеризуются значительно более тёмной пигментацией. Примесь тюркских племён очевидно проявляется у южных удмуртов Алнашского района, которые отличаются от всех остальных удмуртов наиболее тёмными глазами и волосами. При этом доля монголоидного компонента в Алнашском районе не больше, чем на юго-востоке Удмуртии.

Антропологические особенности пьяноборских-азелинских племён, видимо, тоже оказали некоторое влияние на формирование антропологического состава удмуртов. Черепа из могильников пьяноборской культуры характеризуются долихокранией и средними размерами лица, всё же лицо у них несколько выше, чем у первого, мезокранного типа. Монголоидная примесь проявляется, в основном, в ослабленном выступании носа. В формировании антропологического типа пьяноборских племён, возможно, приняли участие ираноязычные племена срубной культуры, среди которых был распространён длинноголовый европеоидный тип. Вероятно, для этого типа была характерна и более тёмная пигментация, хотя не в такой мере, как у тюркских племён.

Наиболее сходными с племенами пьяноборской культуры оказались племена азелинской культуры, что указывает на генетические связи между ними. Последние в большей части входили, по-видимому, в состав предков марийцев.

Однако приблизительно такого же типа черепа, как у пьяноборско-азелинских племён, обнаружены в могильнике Мыдланьшай Глазовского района на северозападе Удмуртской АССР, который датируется X веком и относится к концу существования поломской культуры. Некоторые особенности южных европеоидов выражены здесь даже более отчётливо. Мыдланьшайские черепа не только долихокранные, но и очень узколицые, кроме того, у них монголоидная примесь весьма слабая.

Современные глазовские удмурты отличаются от соседних северных удмуртов в том же направлении. Кроме того, у глазовских удмуртов цвет волос темнее. Эти же особенности отмечены также у бесермян, особенно в Юкаменском районе.

Кроме признаков южных европеоидов, для бесермян характерны отдельные признаки, которые сближают их с угорскими народами. Сюда относятся: очень небольшая длина тела, довольно большая нижнечелюстная ширина, а также значительный процент уступающих форм подбородка. По своему происхождению бесермяне могут быть связаны с южными удмуртами, а может быть, и с угрскими племенами, которые, вероятно, существовали в соседстве предков южных удмуртов уже в ананьинское время и сильно смешивались с индоевропейскими племенами южных степных районов.

С территории нынешних коми-зырян, к сожалению, почти нет палеоантропологических материалов. Черепа из Висского могильника позволяют установить, что население бронзового века здесь было финно-угорское.

По археологическим данным, на протяжении железного века Вычегодский край тяготеет то к Нижнему Приобью, то к Верхнему Прикамью. В этих об-

ластях можно видеть две непрерывные линии развития, одна из которых приводит к образованию угорских племён, другая – предков коми (Г. М. БУРОВ 1965: 184).

Движение предков коми с Верхнего Прикамья на Вычегду наблюдается, по данным археологии, начиная с III века н.э. Однако на Вычегде обитали, по-видимому, и раньше родственные племена. Поэтому их антропологический облик вряд ли сильно изменился с приходом нового населения.

Языковые контакты некоторых групп коми-зырян с вепсами особенно не отражаются на антропологическом материале, поскольку уже в формировании их предков принимали участие одинаковые расовые компоненты.

В результате смешения с русскими коми стали, по всей вероятности, более европеоидными. Больше всего это заметно у коми-зырян Троицко-Печерского района.

Таким образом, в состав пермских финнов вошли разные этнические элементы. Однако основные антропологические особенности их предков довольно хорошо прослеживаются и в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

- АКИМОВА, М. С.
1968: Антропология древнего населения Приуралья. М., с. 119.
- БУРОВ, Г. М.
1965: Вычегодский край. Очерки древней истории. М., с. 197.
- ГЕНИНГ, В. Ф.
1967: Этногенез удмуртов по данным антропологии. Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, вып. IV, с. 271–278.
- ГРЕМЯЦКИЙ, М. А.
1941: Антропологический тип инвенских коми (пермяков). Учёные записки МГУ, М., вып. 63, с. 81–102.
- ДЕБЕЦ, Г. Ф.
1961: О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики. Советская этнография. М., № 6 с. 52–69.
- ЗЕНКЕВИЧ, П. И.
1941: Характеристика восточных финнов. Учёные записки МГУ, М., вып. 63, с. 21–80.
- KNUSSMANN, R.
1967: Penrose Abstand und Diskriminanz-analyse. Homo, 1967, Bd. 18, H. 3, S. 134–140.
- МАРК К.
1970: Zur Herkunft der finnisch-ungarischen Völker vom Standpunkt der Anthropologie. Tallinn, S. 129.
- МАРК, К. Ю.
1975: Антропология прибалтийско-финских народов. Таллин, с. 143.
- ТРОФИМОВА, Т. А.
1954: Черепа из Гулькинского могильника ананьинской культуры. МИА, № 42, с. 500–505.
- ТРОФИМОВА, Т. А.
1968: Ещё раз о черепах из Луговского могильника Ананьинской культуры. Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., с. 51–91.
- ЧЕБОКСАРОВ, Н. Н.
1946: Этногенез коми по данным антропологии. Советская этнография. М., № 2, с. 51–80.